

The Best of Sci-Fi Classics

Что может
быть проще
времени?

Клиффорд
Саймак

The Best of Sci-Fi Classics

Клиффорд Саймак

Что может быть проще времени

«ЭКСМО»

1961

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Саймак К. Д.

Что может быть проще времени / К. Д. Саймак —
«Эксмо», 1961 — (The Best of Sci-Fi Classics)

ISBN 978-5-699-99951-4

В недалеком будущем люди по всему миру стали обнаруживать в себе паракинетические способности: чтение мыслей, левитацию, телепортацию разума. Одним из следствий этого явления стало создание корпорации «Фишхук», разрабатывающей инопланетные технологии. Шепард Блэйн, разведчик корпорации, однажды натывается на весьма дружелюбного инопланетянина... и уносит с собой копию его разума, несущую ключ к счастливому будущему для прогрессивной половины человечества. Теперь Шепард вынужден скрываться, ведь эта тайна способна как спасти, так и погубить всех паракинетиков.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-99951-4

© Саймак К. Д., 1961

© Эксмо, 1961

Содержание

Некоторые поправки к определению понятия «Человек»	6
Что может быть проще времени?	10
Глава 1	10
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Клиффорд Саймак

Что может быть проще времени?

The Best of Sci-Fi Classics

Clifford Simak

Time is the Simplest Thing

Copyright © 1961 by Clifford D. Simak

© Г. Тёмкин, перевод на русский язык, 2017

© А. Рух, вступительная статья, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Некоторые поправки к определению понятия «Человек»

Пожалуй, в творчестве каждого писателя есть некий лейтмотив, некое ключевое понятие, то единственное слово, до которого может быть редуцировано все, сделанное им в литературе. К примеру, у Брэдбери таким понятием является культура, у Желязны – миф, изначальные архетипы, без которых невозможно само существование людей как некой общности; у Хайнлайна, самого американского из фантастов – свобода... Замечу, что в каждом из приведенных примеров речь идет о некоей надличностной идее, ценность которой выше не только отдельной человеческой жизни, но даже и всего человечества. Полагаю, вдумчивый читатель без труда продолжит этот ряд, не ограничиваясь фантастикой – так, в качестве сверхидеи всего творчества у Достоевского обнаруживается совесть, а у Набокова – ностальгия. Для Клиффорда Саймака такой надличностной ценностью, вне всяких сомнений, был гуманизм – но, как бы парадоксально это не звучало, гуманизм, простирающийся гораздо дальше собственно человека, а иногда и вне его, ведь «человеческий» и «человечный», к сожалению, далеко не одно и то же.

Вообще, с определённой точки зрения вся наша история вполне может быть представлена как всё большее расширение того круга, к которому применимо само понятие «человек». Сперва это был исключительно член своего племени, а все остальные считались варварами, гайдзинами, кафирами – то есть, существами, заведомо низшими. Теми, в отношении которых можно позволить себе любую бесчеловечность. Затем настало время, когда одна раса объявила себя выше остальных, и в мир снова вернулось рабство – причём куда как превосходящее по жестокости античное. Наконец, «просвещённый» XX век вернул в Европу понятие геноцида, ещё вчера казавшееся немыслимым. Однако и после победы над нацизмом мир не стал единым: современная Саймаку Америка, с её претензией на мировое господство и статус «самого демократичного государства планеты», продолжала исповедовать и расовую сегрегацию, и террор по идеологическому принципу – пресловутый маккартизм. Всегда находится кто-то, кого можно безнаказанно исключить из круга людей – и, соответственно, отказать ему в праве на человеческое обращение. Для Саймака подобное было категорически неприемлемо, и никакие ссылки на «обстоятельства» или «текущую необходимость», никакие доводы учёных или политиков не могли переубедить его.

Но Саймак – и в этом, пожалуй, заключается его уникальность – идёт много дальше. Для него понятие «человек» не только значительно шире собственно биологической принадлежности к виду *Homo sapiens sapiens* – оно, порою, даже не включает в себя тех, кого Платон определил как «двуногих животных с плоскими ногтями, лишённых перьев», если те не соответствуют определённым базовым морально-этическим критериям, которые, по Саймаку, человека и определяют.

Вспомним культовый роман Саймака «Город», в котором в рамках единой цивилизации равноправно существуют и люди, и роботы, и разумные псы. Цивилизации, изжившей само понятие убийства – вне зависимости от целей и оправданий. Когда выясняется, что люди – пусть только некоторые из них – в принципе сохранили способность убивать, их аккуратно, но без жалости, высылают в параллельный мир, туда, где до торжества человечности остаются ещё многие тысячелетия. А когда Псы сталкиваются с муравьиной цивилизацией, с

её тупой и всеодолевающей силой – они предпочитают и сами оставить Землю, потому что капитуляция и бегство для них приемлемее, чем война.

Это действительно лейтмотив всего творчества Саймака, его магистральная тема, красной нитью проходящая сквозь всё, им написанное. К примеру, роман «Снова и снова» с его борьбой за права андроидов, чьё единственное отличие от людей заключается в способе появления на свет. И так по-Саймаковски сделать главного героя, Ашера Саттона, принесшего андроидам свободу, уже не вполне человеком, находящимся в симбиозе с инопланетной сущностью. Та же тема присутствует и в «Кольце вокруг солнца». Но если в «Снова и снова» главный герой узнаёт, что его возлюбленная – андроид, то в «Кольце» литератор Виккерс осознаёт, что не только является андроидом, но и частично «мутантом», одним из тех, за кем на Земле ведётся настоящая охота. И в этой реальности (точнее, реальностях, поскольку действие «Кольца вокруг солнца» происходит в двух параллельных мирах) и мутанты, и андроиды оказываются гораздо человечнее многих «биологических безупречных» людей. В «Почти как люди» Саймак выводит на сцену представителей сразу двух инопланетных рас: это «шары», воплощающие в себе всё худшее, что есть в человеке – его алчность, жестокость и нетерпимость, – и Пёс, как и в «Городе» олицетворяющий самые светлые человеческие качества. Именно Пёс объясняет герою романа, Паркеру Грейвсу, как именно людям стоит беречь Землю. Ещё одно культовое произведение Саймака, «Всякая плоть – трава» не оставляет ни малейших сомнений, кто – люди или Цветы – более соответствует гуманистическому идеалу.

У каждого народа для каждого поколения есть свои нормы, и эти нормы устанавливаются не законом, не по универсальному эталону. Они устанавливаются общественным мнением, которое, в свою очередь, складывается из предубеждений, и из непонимания, и из извращённой логики, столь свойственных человеческому разуму.

Пожалуй, эти слова из «Что может быть проще времени?» полностью описывают суть той проблемы, которая вызвала у Саймака такое беспокойство. И разумеется, насаждаемые нынче лицемерные толерантность и политкорректность не имеют к её решению ни малейшего отношения.

Фабула перечисленных романов практически одинакова: бо́льшая часть косного, не приемлющего любое отклонение от обывательской «нормы» человечества преследует тех, кто этим «нормам» не соответствует, – в то время, как меньшинство не только встает на сторону изгоев, но и в конечном итоге выступает против собственного биологического вида. Впрочем, это «тоже», как правило, весьма пассивно: насилие – не метод героев Саймака.

Нельзя не вспомнить, что примерно в то же время на другом краю света братья Стругацкие пишут очень «саймаковский» рассказ «Бедные злые люди»¹:

– Ты пробовал когда-нибудь стрелять в человека?

Толя сморщился, но ничего не сказал.

– В том-то и дело, – сказал Эрнст. – Попробуй хоть представить. Это почти так же противно.

¹ К сожалению, «Бедные злые люди», написанные в 1964 году, увидели свет лишь в 1993-м, когда Клиффорд Дональд Саймак уже покинул наш мир.

Кажется, любой их героев Саймака согласился бы с этим утверждением. Сама мысль о насилии как средстве решения конфликта, даже ради самозащиты, для них омерзительна независимо от того, люди это, андрюиды, мутанты или пришельцы. Именно поэтому они любой битве предпочитают бегство вместе с себе подобными в иной мир, будь то другая планета или параллельная реальность, оставляя Землю тем, кто составляет на ней неисправимое большинство.

Предваряемый данным текстом роман «Что может быть проще времени?», написанный в 1961 году, между «Кольцом вокруг солнца» и «Почти как люди», полностью укладывается в описанную выше концепцию. Еще один тест на человечность, проваленный человечеством. На этот раз вызывающим всеобщую ненависть меньшинством являются «парапсихи» – люди, обладающие паранормальными способностями.

Здесь стоит отметить, что еще один сквозной мотив творчества Саймака – острая критика современного ему «дикого капитализма», лишенного любой социальной ответственности. В уже упоминавшемся выше романе «Почти как люди» именно его олицетворяют собой инопланетные захватчики – «шары». В «Что может быть проще времени?» эту роль с достойным лучшим применением усердием исполняет корпорация «Фишхук»².

На первый взгляд «Фишхук» – благодетель человечества, открывший ему путь к недоступным техническими средствами звездам с помощью своих операторов-«парапсихов». Благодаря достижениям корпорации, люди получили доступ к множеству инопланетных технологий, способных кардинально переменить жизнь к лучшему – чего стоит одно только решение продовольственной проблемы с помощью завезенных из космоса неприхотливых и весьма питательных мясных корнеплодов. Однако на практике жесткая монополия «Фишхука» на всю свою продукцию, с которой не в состоянии конкурировать производители земных аналогов, ведет лишь к массовому обнищанию – а это, в свою очередь, отнюдь не способствует народной любви. Однако если сама корпорация надежно защищена от любых посягательств, не попавшие в число ее сотрудников паранормы фактически вынуждены вести жизнь изгоев, тщательно скрывая свои способности от новых «охотников на ведьм».

(Здесь невольно вспоминается история реально существующей компании «Монсанто», являющейся монополистом на рынке генетически модифицированных семян. И дело не в пресловутой и гипотетической опасности такой продукции: сегодня целые государства оказываются фактически в продовольственной зависимости от «Монсанто», что уже вызвало фермерские бунты, например в Индии. Поневоле задумаешься о том, что, как и всякий талантливый фантаст, Саймак оказался пророком.)

В завершение нельзя не отметить ту связь, которая (прямо или косвенно), безусловно, существует между «Что может быть проще времени?» и рядом других классических произведений американской фантастики. Например, фраза «Меняюсь с тобой разумами», с которой и начались злоключения «парапсиха» Шеппарда Бэйна, явно была известна Роберту Шекли, когда через четыре года после выхода романа Саймака он принялся за свою знаменитую повесть. А уж Филип Дик – тот, кажется, только и делал, что полемизировал с Саймаком каждой своей книгой.

Что ж, возможно, роман, с которым предстоит познакомиться читателю, не так знаменит, как «Город» или «Заповедник гоблинов», однако ничуть не уступает им ни живостью

² Рыболовный крючок (англ.).

действия, ни глубиной мысли. И за те более чем полвека, которые прошли со времени его написания, нисколько не устарел – а это и есть признак настоящей литературы, над которой не властно время.

А что может быть проще времени?
Аркадий Рух

Что может быть проще времени?

Глава 1

И вот настал день, когда Человек был готов отказаться от мысли проникнуть в космос. Первые сомнения возникли еще тогда, когда Ван Аллен открыл вокруг Земли пояса радиации.

Но Человек слишком долго мечтал о космосе, чтобы сдаться, не сделав еще одной попытки.

И делалась одна попытка за другой, а астронавты гибли, доказывая, что Человек слишком слаб для космоса. Слишком непрочно держится в его теле жизнь. Он умирает или от первичной солнечной радиации, или от вторичного излучения, возникающего в металле самого корабля.

И в конце концов Человек понял несбыточность своей мечты и стал глядеть на звезды, которые теперь были от него дальше, чем когда-либо, с горечью и разочарованием.

После долгих лет борьбы за космос, пережив сотни миллионов неудач, Человек отступил.

И правильно сделал.

Существовал другой путь.

Глава 2

Шепард Блэйн чувствовал, что находится в доме, а если не в доме, то, во всяком случае, в месте, где кто-то живет. Тут присутствовали порядок и пропорции, которые не могли быть созданы природой, пусть даже это чужая природа, природа планеты, вращающейся вокруг неизвестной звезды за тысячи световых лет от Земли.

В отличие от песчаных дюн, по которым до этого двигался Блэйн, на полу странного жилища не оставалось следов. По сравнению с ревом урагана, столько часов оглушавшим Блэйна, пока он пробирался через пустыню, шум ветра здесь казался слабым шорохом.

Пол был сделан из голубого твердого и гладкого материала, и катиться по нему было очень легко. Вокруг стояли предметы, тоже голубого цвета, похожие на мебель или какие-то приспособления. Во всяком случае, их форма не была случайной, естественной, какую могли бы создать ветер и солнце, а свидетельствовала о том, что эти предметы имеют какое-то предназначение.

Крыши у сооружения не было. В небе светили звезды, а вдалеке мерцало тусклое солнце.

Включив все датчики на полную мощность, Блэйн медленно двинулся вперед. Ощущение, что он находится в доме, усиливалось, а вскоре к нему добавилось ощущение того, что в доме есть жизнь.

Блэйн почувствовал, что начинает волноваться. Жизнь даже в простейших формах удавалось обнаружить крайне редко, а случаи, когда на планетах открывали разумную жизнь, вообще считались исключительным событием.

Блэйн пошел совсем медленно. Датчики работали бесшумно, и тишину нарушали лишь шорох колес и слабое жужжание прибора, фиксирующего информацию о форме, цвете, запахе, размерах, записывающего температуру, время, силу магнитных полей и регистрирующего все, что только можно зарегистрировать на этой планете.

Он издали заметил живое существо – нечто развалившееся на полу, как лентяй, которому нечего делать, кроме как просто лежать вот так.

Не прибавляя скорости, Блэйн направился к нему, а датчики тем временем скапливали записываемому устройству информацию о распластавшемся на полу существе.

Оно было розовым; не того омерзительного розового цвета, что так часто встречается, – линиялого, наводящего на мысли об анатомическом театре. Это был жизнерадостно-розовый. Платице такого цвета надела бы семилетняя соседская девочка в свой день рождения.

Оно смотрело на Блэйна. Может, не глазами, но смотрело. Оно знало, что он здесь. И не боялось.

Блэйн приблизился к нему почти вплотную и остановился.

Оно выглядело довольно массивным: высота достигала двенадцати футов, а диаметр – не менее двадцати футов. Рядом с небольшим механизмом, которым был сейчас Блэйн, существо казалось гигантом, однако в нем не было ничего угрожающего. Хотя и дружелюбного тоже. И никаких других эмоций. Просто сгусток живой материи.

Блэйн напомнил себе, что теперь предстоит самое трудное. Теперь надо выбирать: действовать или отступить. От его следующего шага может зависеть, как сложатся дальнейшие взаимоотношения с этим существом.

Он стоял, ничего не предпринимая. Датчики втянулись и почти не работали, катушки записываемого устройства едва вращались.

Но ждать дальше было нельзя, потому что время подходило к концу. В его распоряжении оставалось совсем немного.

В этот момент сложнейшие приборы механизма, который сейчас заменял Блэйну тело, отметили, что по розовой массе пробежала легкая дрожь. Дрожь полусформированной мысли, начало контакта, первый шаг.

Блэйн напрягся, стараясь погасить поднимающуюся радость. Глупо радоваться, еще неизвестно, может, это и не телепатия. Хотя эта вибрация, определенные ощущения...

Ну пробуй же, сказал он себе, пробуй!

Время уходит!

Осталось всего полминуты!

Дрожь снова повторилась, на этот раз отчетливее, как будто существо, лежащее перед Блэйном, мысленно откашливалось перед тем, как начать говорить.

И существо заговорило.

– Здорово, приятель! – сказала оно. – Меняюсь с *тобой* разумами.

Разум Блэйна совершенно неожиданно раздвоился. Блэйн был одновременно и собой, и Розовым. На какой-то ужасный миг он ощутил себя им целиком: он так же, как Розовый, видел и чувствовал, знал то же, что знал он. И в то же время оставался Шепардом Блэйном, исследователем из «Фишхука», чей разум теперь находился так далеко от дома, вне Земли.

В этот момент раздался щелчок – время истекло.

Казалось, вся Вселенная вздрогнула и понеслась куда-то с невыносимой скоростью. Шепард Блэйн возвращался через пространство в пять тысяч световых лет в один весьма своеобразный уголок на севере Мексики и был бессилен помешать этому.

Глава 3

Он медленно выбирался из черной пропасти пространства, в которую был погружен, прокладывая себе путь со слепым упорством, ведомый каким-то древним, врожденным инстинктом.

Он знал, где находится, был уверен, что знает, хотя не смог бы сказать где. В эту пропасть он падал уже много раз и столько же раз выбирался из нее, но сейчас происходило нечто особенное, чего никогда прежде не случалось.

Что-то необычное коснулось его самого, он перестал быть самим собой, вернее, остался собой только наполовину, во второй же половине поселилось неведомое Нечто, то самое, что лежало у стены, ничего не боялось и изнывало от скуки.

Он выкарабкивался из пропасти, а мозг продолжал с бездумным упорством бороться с тем странным существом. Бороться, осознавая, что борьба бесполезна, что это неведомое Нечто навсегда поселилось в нем и будет отныне неотъемлемой частью его «я».

На минуту он прекратил сопротивляться и попытался разобраться в себе. Он был одновременно слишком многим и слишком во многих местах, и это сбивало с толку. Он был и человеком (что бы это ни означало), и мчащейся сквозь космос машиной, и непонятым Розовым, распластавшимся на голубом полу, и безумцем, падающим через полную ревущего времени вечность, которая математически не превышала доли секунды.

Он выполз из пропасти, и тьму сменил мягкий свет. Блэйн неподвижно лежал на спине. Его тело снова принадлежало ему, и он испытал давнее-давнее чувство благодарности за то, что опять удалось вернуться.

Наконец он все вспомнил.

Я, Шепард Блэйн, разведчик из «Фишхука», летаю в космос, исследую неизвестные миры. Бывал на планетах за много световых лет от Земли. Иногда открывал что-то интересное, иногда – нет. Но в этот раз обнаружил Нечто, ставшее частью меня самого и вернувшееся вместе со мной на Землю.

Он поискал это Нечто и обнаружил в уголке своего мозга, куда оно в ужасе забилося. Блэйну тоже было страшно, однако он попытался успокоить Его. Он понимал, каково Ему быть в плену у чужого разума. Хотя, с другой стороны, он и сам с радостью избавился бы от этого «пленника», поселившегося в его мозгу.

– Невеселая ситуация для нас обоих, – мысленно произнес Блэйн, беседуя одновременно с собой и с этим существом.

Чужой выполз из своего уголка, где все это время прятался, и Блэйн ощутил его прикосновение, заглянул на миг в его чувства, понятия, знания. Блэйну показалось, что кровь чужого существа ледяным потоком вливается в его вены, что он ощущает его затхлый запах и слизистое прикосновение его лап, – он хотел закричать и с трудом сдержал безумный вопль. Он заставил себя лежать неподвижно, и Розовый опять забился в свое убежище и улегся, свернувшись в клубок.

Блэйн открыл глаза и увидел, как крышка кабины, в которой он лежал, откинулась. В лицо ударил резкий свет лампы.

Блэйн мысленно ощупал тело, проверяя, в целости ли оно и сохранности. Все было в порядке. Да иначе и быть не могло: все эти тридцать часов тело лежало здесь в полном покое. Он пошевелился, приказал себе подняться и сел. Со всех сторон смотрели расплывающиеся в потоках света лица.

– Ну как, трудно было в этот раз? – спросил кто-то.

– Не легче, чем обычно, – ответил Блэйн.

Он вылез из похжей на гроб кабины и зябко передернул плечами. Вдруг стало холодно.

– Ваш пиджак, сэр, – приблизилось чье-то лицо над белым халатом.

Девушка помогла ему надеть пиджак.

Потом подала стакан.

Блэйн попробовал: молоко. Можно было догадаться. Здесь всем принято по возвращении давать стакан молока. Может, в него что-нибудь кладут? Он никогда не интересовался. Для него и других разведчиков это была одна из многих мелочей, составляющих особую прелесть «Фишхука». Через сто с небольшим лет существования «Фишхук» сумел пронести великое множество полузабытых, в разной степени старомодных традиций.

Он уже стоял, потягивая молоко, и к нему возвращалась большая пусковая комната, в которой блестели ряды звездных машин. Некоторые были открыты, а в закрытых лежали тела товарищей Блэйна, и их разум путешествовал сейчас где-то в космосе.

– Который час? – спросил Блэйн.

– Девять вечера, – ответил человек, державший в руках журнал регистрации.

Существо опять шевельнулось в мозгу, и вновь зазвучали слова:

– Здорово, приятель. Меняюсь с тобой разумами!

Пожалуй, по человеческим понятиям, ничего более нелепого быть не могло. Это было приветствие. Что-то вроде рукопожатия. Мозгопожатие! Впрочем, если вдуматься, в нем куда больше смысла, чем в обычном рукопожатии.

Девушка тронула его за руку:

– Ваше молоко, сэр!

Если это расстройство мозговой деятельности, значит, оно еще не прошло. Блэйн снова ощутил Его – этот чуждый, темный сгусток, спрятавшийся где-то в подсознании.

– Машина в порядке? – спросил Блэйн.

Человек с журналом кивнул:

– Все в полном порядке. Записи с информацией уже отправили.

Полчаса, спокойно подумал Блэйн и удивился собственному спокойствию. У него осталось всего полчаса, потому что именно столько потребуется, чтобы обработать информацию. Записи всегда просматриваются сразу после возвращения исследователя. Приборы, конечно, зафиксировали, что произошло. И вскоре все станет известно. Надо выбраться отсюда прежде, чем прочтут записи.

Он оглядел комнату и вновь почувствовал удовлетворение, восторг, гордость – то, что испытал, попав сюда впервые много лет назад. Этот зал – сердце «Фишхука», отсюда отправляются исследователи на далекие планеты.

Блэйн представлял, как тяжело будет расстаться со всем этим, как трудно будет уйти насовсем, – слишком большую часть самого себя он сюда вложил.

Но выбора нет, надо уходить.

Он допил молоко, отдал девушке стакан. Затем пошел к двери.

– Одну минуту, сэр, – мужчина протянул ему журнал. – Вы забыли расписаться.

Проклиная формальности, Блэйн вынул из журнала карандаш и расписался. Столько глупостей, но таков ритуал. Расписывайся, когда приходишь, отмечайся, когда уходишь, а главное, держи язык за зубами. Такое впечатление, что одно лишнее слово – и «Фишхук» рассыплется в прах.

Он вернул журнал.

– Простите, мистер Блэйн, но вы не указали, когда придете на чтение записей.

– Напишите: завтра в девять, – бросил он.

Пусть пишут все, что вздумается, он не собирается возвращаться. У него осталось лишь тридцать минут, даже меньше, и нельзя терять ни мгновения.

С каждой убегающей секундой в памяти все ярче вставал тот вечер три года назад. Он отчетливо помнил не только слова, но и тон, которым они были произнесены. В тот вечер

позвонил Годфри Стоун, и в его голосе, прерывистом, словно после очень быстрого бега, звучал панический страх...

– Счастливо! – Блэйн вышел в коридор и захлопнул за собой дверь. В коридоре никого не было. По обеим сторонам пустынного коридора двери были закрыты, из-за некоторых сквозь щели просачивался свет, стояла полная тишина. Но в этой безлюдности и тишине ощущался пульс гигантского организма «Фишхука». Казалось, огромный комплекс никогда не спит: круглые сутки работают лаборатории и испытательные станции, заводы и университеты, обширнейшие библиотеки и склады...

Блэйн на мгновение остановился, прикидывая. Все, кажется, достаточно просто. Выйти из здания ничто не мешает. Остается только сесть в машину, которая на стоянке, в пяти кварталах отсюда, и поскорей добраться до северной границы. Нет, остановил Блэйн себя, не годится, чересчур уж просто и прямолинейно. В «Фишхуке» наверняка решат, что именно так я и поступлю.

Но сомнение не покидало Блэйна, голову сверлила чудовищная мысль: а надо ли вообще бежать?!

А те пятеро после Годфри Стоуна – что, разве еще недостаточно?

Блэйн быстро зашагал вниз по коридору, стараясь разобраться в своих сомнениях и вместе с тем чувствуя, что сомнениям сейчас не место. Какие бы колебания ни возникали, он знал, что действует правильно. Но правильность сознавал рассудком, а сомнения шли от сердца.

Он понимал, что причина одна: он не хочет бежать из «Фишхука». Ему тут нравится, ему интересно работать в «Фишхуке» и не хочется бежать.

Но эту борьбу с самим собой он выиграл много месяцев назад. Уже тогда пришло решение: когда придет время, он уйдет, все бросит и убежит, как бы ни хотелось остаться.

Потому что Годфри Стоун уже прошел через это и, спасаясь бегством, выбрал момент и позвонил – не для того, чтобы просить о помощи, а чтобы предупредить.

«Шеп! – он выдыхал слова, словно говорил на бегу. – Шеп, слушай и не перебивай. Если когда-нибудь вернешься не таким, каким улетаю, уноси ноги. Не жди ни минуты. Сразу же уноси ноги».

Затем в трубке щелкнуло, и все стихло.

Блэйн помнил, как стоял, продолжая сжимать в руке трубку. «Да, Годфри, – сказал он в молчащий телефон. – Да, я запомню. Спасибо. Удачи тебе».

И все. Больше он Годфри Стоуна никогда не видел и не слышал.

«Если ты вернешься не таким», – сказал Годфри. И вот теперь Шеп «не такой». Он ощущает в себе чужой разум, второе «я», прячущееся в мозгу. Вот что, значит, делает человека «не таким». А как же другие? Не может быть, чтобы все повстречали того самого Розового, обитающего в пяти тысячах световых лет от Земли. Сколько же еще способов стать «не таким»?

Скоро в «Фишхуке» узнают, что он прилетел «не таким». Этому невозможно помешать. Узнают, лишь только закончат обрабатывать информацию. Тогда его запрут в лаборатории и приставят «слухача» – человека, ковыряющегося в чужих мыслях. Слухач будет разговаривать дружелюбно и даже с сочувствием, а сам в это время будет извлекать из его мозга Чужой Разум – выковыривать из убежища и исследовать.

Он подошел к лифту и уже собирался нажать кнопку, но тут распахнулась одна из выходящих в холл дверей.

– А, Шеп, это ты, – произнес человек, появившийся в двери. – Слышу, кто-то вышел из пусковой, думаю: кто бы это мог быть?

– Я только что вернулся, – ответил Блэйн.

– Не хочешь зайти ко мне на минутку? – пригласил Кирби Рэнд. – Я как раз собрался открыть бутылочку.

Блэйн знал, что раздумывать некогда. Надо или зайти и выпить пару рюмок, или сразу отказаться. Но отказ вызовет у Рэнда подозрение. Потому что работа Рэнда – подозревать. Не зря он начальник отдела безопасности «Фишхука».

– Ладно, – согласился Блэйн, стараясь говорить как можно спокойнее. – Только ненадолго. Свидание. Нехорошо заставлять девочку ждать.

Это должно избавить от всяких дальнейших предложений, подумал Блэйн. А то этот тип от избытка чувств может пригласить пообедать или что-нибудь посмотреть.

Кабина уже почти подошла к их этажу, но Блэйн заставил себя отойти от лифта. Идиотская задержка, но ничего теперь не поделаешь.

Когда он вошел к Рэнду, тот дружески похлопал его по плечу:

– Ну, как путешествие?

– Все отлично.

– Далеко летал?

– Около пяти тысяч световых.

Рэнд кивнул:

– Этого я мог и не спрашивать. Теперь все летают далеко. Поблизости мы уже почти все закончили. Еще сотня лет – и начнем летать за десять тысяч.

– Разницы большой нет, – сказал Блэйн. – Стоит только вылететь, как ты уже там. Расстояние не имеет значения. Может, когда станем летать еще дальше, до середины Галактики, тогда появятся помехи. И то вряд ли.

– Ученые тоже так считают.

Рэнд пересек кабинет, подошел к массивному столу и взял бутылку. Отбил сургуч и вытащил пробку.

– Знаешь, Шеп, – сказал он, – мы занимаемся фантастическим делом. И хотя иногда надоедает, в нем есть своя романтика.

– Просто мы дошли до этого очень поздно, – ответил Блэйн. – Умение было в нас всегда, но им не пользовались. Потому что не могли найти ему практического применения. Потому что все это казалось слишком невысказанным. Потому что отказывались верить. Древние догадывались об этом умении, но не понимали его и считали колдовством.

– Простые люди и сегодня так думают. – Рэнд достал лед из встроенного в стену холодильника, положил в бокалы и наполнил их почти до краев. – Садись. – Он протянул Блэйну бокал и сел за стол. – Напрасно не присаживаешься. Ты же не особенно спешишь, а сидя пить гораздо приятнее.

Блэйн сел. Рэнд положил ноги на стол, устраиваясь поудобнее.

Осталось не более двадцати минут!

А он сидит здесь, сжимая в руке бокал, и ждет, когда Рэнд снова заговорит. И в эту секунду, когда оба молчали, Блэйну почудилось дыхание «Фишхука». «Фишхук» представился ему огромным живым существом, которое лежит здесь, в Северной Мексике, прильнув к закутавшейся в ночь матери-Земле. У этого существа есть сердце, легкие, пульсирующие вены, и он, Блэйн, чувствует этот пульс.

– У вас, исследователей, не жизнь, а одно удовольствие, – сидящий за противоположным концом стола Рэнд изобразил на лице добродушие. – Я иногда вам завидую.

– Для нас это работа, – небрежно заметил Блэйн.

– Вот сегодня ты побывал за пять тысяч световых лет. Наверняка это что-то тебе дало.

– Да, пожалуй, – согласился Блэйн. – Испытываешь какое-то высшее духовное удовлетворение, когда подумаешь, куда летал. А сегодня к тому же было интересней, чем обычно. Кажется, я нашел жизнь.

– Расскажи, – попросил Рэнд.

– Тут нечего рассказывать. Я натолкнулся на это существо, когда время уже кончалось. И не успел ничего сделать, как меня потащило назад. Ты должен что-то придумать, Кирби. Это чертовски мешает.

– Вряд ли это возможно. – Рэнд покачал головой.

– Вы должны позволить нам хоть иногда действовать по собственному усмотрению, – настаивал Блэйн. – Лимит времени не должен быть таким строгим. А то приходится торчать все тридцать часов на планете, где нечего делать, а когда, кажется, что-то находишь, тебя возвращают на Землю.

Рэнд усмехнулся.

– И не пытайся утверждать, что вам это не по силам, – продолжал Блэйн. – Я знаю, что это возможно. В распоряжении «Фишхука» столько ученых...

– Да нет, я не спорю, – ответил Рэнд, – это возможно, конечно. Просто мы не хотим выпускать контроль из своих рук.

– Бойтесь, кто-нибудь останется?

– Не исключено.

– Зачем? – удивился Блэйн. – Ведь там ты уже не человек. Только человеческий разум, запрятанный в хитроумную машину.

– Нас устраивает все как есть. И потом, мы очень ценим вас, исследователей. Меры безопасности необходимы. Вдруг за пять тысяч световых лет случится авария? Вдруг что-то произойдет и разведчик не сможет управлять машиной? В этом случае он для нас потерян. А так все делается автоматически. Отправляя вас, мы знаем наверняка, что вы вернетесь.

– Вы слишком высоко нас цените, – сухо заметил Блэйн.

– Все не слишком, – возразил Рэнд. – Ты имеешь представление, сколько денег мы в вас вкладываем? Ты отдаешь себе отчет, сколько человек приходится отсеять, прежде чем найдешь подходящего? Он должен быть и телепатом, и иметь способности к телепортации, и обладать психикой, способной выдержать все, что бы ни встретилось в космосе. И наконец, он должен быть предан «Фишхуку».

– Ну, преданность-то вы покупаете. Тут еще никто не жаловался на слишком маленькую зарплату.

– Я говорю о другом, – остановил его Рэнд, – ты знаешь о чем.

А каков ты сам, подумал Блэйн, какими человеческими качествами надо обладать, чтобы работать в системе безопасности? Может, надо уметь подслушивать чужие мысли, подглядывать в чужой разум? Но он знал Рэнда много лет и не замечал за ним таких способностей. Если б Рэнд был слухачом, зачем бы ему держать людей, единственная задача которых – подслушивать чужие мысли?

– И все-таки, – сказал Блэйн, – я не вижу необходимости держать нас под контролем постоянно. Мы могли бы...

– Не пойму, чего ты так беспокоишься. Полетишь еще на свою планету и продолжишь, что начал.

– Конечно, полечу. Я ведь ее нашел, так что она в какой-то степени моя.

Он допил виски и поставил бокал.

– Все. Спасибо. Я пошел.

– Ладно, – ответил Рэнд. – Не буду тебя задерживать. Ты завтра работаешь?

– С девяти.

Глава 4

Блэйн открыл массивную, роскошно украшенную дверь и вышел на площадь. Он всегда стоял здесь минуту-другую, наслаждаясь городом, который в этот час особенно хорош. На площади, залитой мягким светом уличных фонарей, прохожие казались бесплотными тенями. Легкий вечерний ветерок шелестел листвой. Молча, почти бесшумно пронеслись вечно спешащие автомобили. И все это было слегка подернуто таинственной тонкой дымкой осеннего вечера.

Но сегодня он не стал любоваться городом. Не было времени. В его распоряжении оставалось всего восемь минут. Каких-то жалких восемь минут.

Его машина стояла на стоянке всего в пяти кварталах отсюда, но до нее не успеть дойти. Рисковать нельзя. Машину придется оставить.

И еще этот Кирби Рэнд. Зачем ему вдруг понадобилось выходить из кабинета и звать меня выпить именно в этот вечер?

Вроде бы все выглядело вполне естественно, но от разговора с Рэндом у Блэйна остался осадок легкого беспокойства, ощущение, будто Рэнд знал, что крадет у него время, будто он о чем-то подозревал.

Но все это позади, успокаивал себя Блэйн. Конечно, ему не слишком повезло, но ничего страшного пока не случилось. Может быть, так даже лучше. Если б он взял машину, «Фишхук» знал бы наверняка, где его искать. Но если уж его вынудили остаться в городе, то он исчезнет за десять минут.

Блэйн зашагал вниз по аллее и свернул в направлении, противоположном стоянке.

Еще бы десять минут, повторял он про себя, как молитву. За эти десять минут он найдет дюжину мест, где можно спрятаться – спрятаться, чтобы прийти в себя, подумать и решить, что делать дальше. Потому что сейчас, без машины, он просто не знает, что предпринять.

У него будут эти десять минут, он не сомневался в этом, только бы ему повезло, только бы не встретить кого-нибудь из знакомых.

Блэйн шел и чувствовал, как в голове, подобно пене, вскипает страх. Не его страх. Страх нечеловеческий. Бездонный, черный, визжащий, цепляющийся страх, рожденный в разуме, который не может больше выносить ужасов чужой планеты, не может прятаться в чужом мозгу, не в силах приспособиться к угрожающей ситуации, невыносимой оттого, что все в ней непонятно.

Стиснув зубы, Блэйн боролся с этим страхом, сознавая краешком ума, не поддавшимся панике, что страшно не ему, а тому, другому, кто прячется у него в мозгу.

Блэйн почувствовал, что сейчас не выдержит и побежит. Но напряг остатки воли и сдержался. Ему нельзя бежать: он ни в коем случае не должен привлекать к себе внимание.

Шатаясь от напряжения, Блэйн свернул с аллеи, натолкнулся на толстое дерево и, вытянув руки, обхватил ствол, как будто надеясь, что прикосновение к чему-то земному прибавит ему сил.

Он обнял ствол дерева и замер, прикинув к нему. Страх начал медленно стекать обратно, в глубины мозга. Чужой разум уползал назад в свою нору, жалко отступая и прячась.

– Все в порядке, – пытался успокоить его Блэйн. – *Оставайся там, где есть, и не беспокойся. Предоставь все мне. Я все сделаю сам.*

Существо пыталось освободиться. Оно сделало отчаянную попытку вырваться из плена и, потерпев неудачу, вернулось обратно, в самый безопасный уголок загона, в котором вдруг оказалось.

«Только бы это не повторилось, – подумал Блэйн. – Больше не выдержу. Случись это еще раз – побегу, не в силах противиться страху. Побегу – с пеной у рта, испуская вопли ужаса. И тогда мне крышка».

Он разжал руки, отпустил дерево и теперь стоял рядом с ним, выпрямившись, оцепенев, с трудом заставляя себя стоять прямо, не поддаваться слабости. Он чувствовал, что его тело покрыто испариной, дыхание – как у бегуна, только что прошедшего дистанцию. «Неужели сумею убежать, скрыться? Неужели смогу спастись с этой обузой за пазухой?» Даже одному было бы нелегко скрываться от преследования, а если тащить с собой этот скулящий от страха разум...

Но от него не избавиться. По крайней мере, сейчас неизвестно, как это сделать, и придется терпеть его в себе и бороться вместе с ним, как бы трудно ни было.

Он отошел от дерева, но теперь его шаг замедлился, стал менее уверенным. Стараясь унять охватившую его дрожь, придать твердость походке, Блэйн двинулся дальше вниз по аллее. И вдруг почувствовал, что страшно голоден. Удивительно, подумал он, что голод только сейчас дает о себе знать. Ведь, кроме стакана молока, за последние тридцать часов во рту не было ни крошки. Только полный покой для тела, похожий на глубокий, крепкий сон, – и ни крошки еды за все это время.

Глухо бормоча атомными двигателями, мимо пронеслись реактивные автомобили.

Один из них подлетел к тротуару, остановился рядом с Блэйном, и чье-то лицо показалось в окошке.

– Шеп! Вот это здорово! Я так и знал, что встречу тебя.

Блэйн испуганно остановился и взглянул на водителя, чувствуя, как чужой страх вновь закипает в нем. Усилием воли Блэйн загнал этот страх обратно и произнес как можно спокойнее:

– Привет, Фредди! Давненько мы с тобой не виделись.

Это был Фредди Бейтс. Никто не знал, чем он занимается, но ходили смутные слухи, что он чей-то представитель в этом городе, где каждый второй или какой-нибудь уполномоченный, или секретный агент.

Фредди открыл дверцу:

– Прыгай. Поедем на вечеринку.

Кажется, это то, что надо, подумал Блэйн. Конечно, лучше и не придумаешь: «Фишхуку» в голову не придет искать его в веселящейся компании. И потом, в случае чего оттуда всегда легко улизнуть. Там столько народа, что исчезновения одного человека никто не заметит. И наверняка найдется машина, в которой какой-нибудь рассеянный владелец забудет ключи. Кроме всего, там можно будет поесть – а это необходимо.

– Прыгай, – повторил Фредди. – Сегодня пьянка у Шарлин.

Блэйн быстро сел на мягкое сиденье. Дверца тихо захлопнулась, и машина Фредди влилась в мчащийся поток.

– Я говорю Шарлин, – начал Фредди, – что это за вечер, если нет ни одной души из «Фишхука». И вызвался заманить какую-нибудь важную птицу оттуда.

– Ты промахнулся. Никакая я не важная птица.

– Зато исследователь, разведчик. А разведчикам есть о чем порассказать.

– Ты же знаешь, мы на эти темы не распространяемся.

Фредди прищелкнул языком:

– Всё тайны!

– Нет, просто правила и инструкции.

– Да, конечно. Потому-то слухи здесь разносятся со скоростью света. Стоит днем случиться чему-нибудь на одном конце города, как вечером в кабаках на другом конце уже обсуживаются все подробности.

– И обычно перевираются.

– Может, кое-что и приукрашивается для интереса, но суть дела остается.

Блэйн промолчал. Откинувшись на спинку сиденья, смотрел через окно на мелькающие огни улиц, на кварталы массивных домов с плоскими крышами. Все это «Фишхук». Удивительно, уже сколько лет он здесь ездит и не перестает каждый раз восхищаться этим видом. Впрочем, подумал он, самый вид тут ни при чем, бывают виды куда красивее и величественнее. Все дело в невероятной, фантастической сути «Фишхука», отблеском ложащейся на весь город.

Если судить не по названию, а по значению, то именно здесь расположена настоящая столица Земли, подумал Блэйн. Сюда устремлены надежды миллионов людей, здесь заключено величие будущего. Тут находится звено, связывающее человечество с другими мирами, затерянными в глубинах космоса.

«А я уйду отсюда».

До сих пор трудно поверить, что человеку, который так любил свое дело, так верил в него, отдавал ему всю свою жизнь, приходится теперь удирать, словно испуганному зайцу.

– Что вы собираетесь со всем этим делать? – спросил Фредди.

– С чем «этим»?

– Со всеми вашими знаниями, секретами, идеями?

– Не знаю.

– Сотни ученых, не помня себя от счастья, раскручивают колесо науки. У тысяч инженеров и специалистов кругом идет голова от их невероятных открытий. Как далеко вы ушли от остальных людей? На миллион лет или больше?

– Поговори с кем-нибудь другим. Я не в курсе. Я только выполняю свою работу. Если ты пытаешься выудить из меня что-то, то напрасно. Меня на эти приманки не поймать.

– Извини. Я просто одержим этой мыслью.

– Не ты один. На Земле нет, наверно, такого места, где бы не ругали «Фишхук». Для миллионов людей сегодня это любимое занятие.

– Попробуй взглянуть на это с моей точки зрения. – Голос Фредди звучал серьезно. – Сижу я в стороне и понятия не имею, что делается в каком-то «Фишхуке». И вдруг появляешься ты: сверхчеловек со своими сверхчеловеческими планами. Конечно, я завидую тем, кто в этом участвует, я ощущаю свою неполноценность и второсортность. А ты удивляешься, что люди ненавидят «Фишхук» и все, что с ним связано.

– А они и в самом деле ненавидят?

– Шеп, – мрачно произнес Фредди. – Тебе надо самому съездить и посмотреть.

– Не вижу особой надобности. И так достаточно слышан. Я хочу знать: то, что они испытывают к «Фишхуку», в самом деле ненависть?

– Думаю, да. Может быть, не здесь именно. То, что болтают в нашем городке, просто дань моде. Но поезжай в провинцию – и поймешь, что «Фишхук» там действительно ненавидят.

Они въехали в район жилых кварталов. Вдоль широких, плохо освещенных улиц нескончаемой нитью потянулись серые ряды домов. Машин стало меньше.

– Кто будет у Шарлин? – спросил Блэйн.

– А, все тот же зверинец. Шарлин любит устраивать такие дикие сборища, где все дозволено и где всем друг на друга наплевать. И где можно переспать почти с любой женщиной.

– Да, я знаю.

Существо слабо, будто во сне, шевельнулось у него в мозгу.

– Все в порядке, – сказал ему Блэйн. – Успокойся и не двигайся. Нам повезло. Мы выбираемся.

Фредди свернул с шоссе на дорогу, которая стремительной спиралью поднималась вверх по каньону. Воздух похолодал. В темноте, раскачиваясь, шелестели деревья. Пахло хвоей.

За крутым поворотом показались огни дома. Он стоял на уступе скалы – современное здание, прилепившееся, как ласточкино гнездо, к почти отвесной стене каньона.

– Ну вот и прибыли, – весело произнес Фредди.

Глава 5

Вечеринка становилась шумной, не буйной пока, но шумной, как бывает в конце концов со всеми вечеринками, и здесь уже воцарилась атмосфера пустоты и бесцельности. Густой табачный дым, прохладный ветерок, залетающий из каньона в распахнутые окна, нескончаемая, никчемная болтовня, доносящаяся отовсюду, – все, казалось, говорило о том, что уже поздно и гости вот-вот начнут расходиться. Но на самом деле еще не было и двенадцати.

Герман Дальтон тяжело опустился в кресло, вытянул длинные ноги и, заправив в угол рта сигару, несколько раз провел пятерней по волосам, отчего его голова стала похожа на только что купленную щетку.

– Послушайте, Блэйн, – пробасил он. – С этим надо что-то делать. Если все оставить как есть, то скоро наступит время, когда понятие «бизнес» исчезнет. «Фишхук» прижал нас к стене.

– Мистер Дальтон, – устало произнес Блэйн, – если вам надо обсудить с кем-то этот вопрос, то я не подхожу для этой цели. В бизнесе я не разбираюсь, а о «Фишхуке» просто ничего не знаю, хотя и работаю там.

– «Фишхук» поглощает нас, – сердито продолжал Дальтон. – Лишает нас средств к существованию. Он разрушает стройную систему писаных и неписаных законов, которые на протяжении веков вырабатывались умными людьми, глубоко преданными интересам общества. «Фишхук» разваливает торговлю. Медленно, но неуклонно разоряет нас одного за другим. Взять хотя бы эти «мясные овощи»! Надо же такое выдумать. Сажает в грядку семена, а потом идешь и выкапываешь эдакий картофель, в котором протеина больше, чем в мясе.

– И теперь миллионы людей едят мясо, чего раньше не могли себе позволить, получая благодаря вашей замечательной «системе писаных и неписаных законов» гроши.

– А фермеры! Подумайте о тех, кто вложил капиталы в торговлю мясом. Я уже не говорю о компаниях по производству тары.

– Конечно, по всем правилам следовало бы поставлять семена только фермерам или владельцам универсамов либо продавать их не по десять центов за штуку, а по доллару или полтора. Тогда, конечно, натуральное мясо смогло бы конкурировать с семенами, а экономика не испытала бы никаких потрясений. Но в таком случае, естественно, эти миллионы людей никогда...

– Простите, – запротестовал Дальтон, – но вы не понимаете, что экономика – движущая сила нашего общества. Уничтожьте экономику, и вы уничтожите человека.

– Очень и очень сомневаюсь.

– Но правоту моих взглядов подтверждает история. Торговля создала мир, который нас сегодня окружает. Торговля открывала новые земли, отправляла корабли в далекие края, строила заводы и...

– Я вижу, мистер Дальтон, вы хорошо знаете историю.

– Да, мистер Блэйн, неплохо. И особенно меня интересует...

– Тогда вы должны были заметить, что мысли, обычаи и убеждения со временем устаревают. Это можно прочитать на каждой странице вашей истории. Меняется мир, и меняются люди и их взгляды. Вам никогда не приходило в голову, что экономика, о которой вы так тревожитесь, устарела и... больше не приносит пользы? Что она сыграла свою роль в развитии человечества и мир пошел дальше, и теперь экономика – понятие историческое, нечто вроде бронтозавра?

Дальтон даже подскочил в кресле, волосы его встали дыбом, сигара чуть не выпала изо рта.

– Боже мой! – воскликнул он. – Это ужасно. Неужели «Фишхук» в самом деле так думает?

Блэйн сухо усмехнулся:

– Нет, так думаю я, и у меня нет ни малейшего представления о позиции «Фишхука». Я ведь не член Правления.

Вот так всегда, подумал Блэйн. Куда ни пойдешь, всюду одно и то же. Вечно кто-то пытается выудить хоть какой-нибудь намек или крошечный секретик, касающийся «Фишхука». Эта стая стервятников, это сборище соглядатаев, которые жаждут знать, что же происходит, и воображают гораздо больше того, что есть на самом деле.

Дальтон снова откинулся на спинку кресла. Огромная сигара опять надежно держалась у него во рту, а волосы улеглись назад ровными рядами, словно их пригладили расческой.

– Вы утверждаете, что не состоите в Правлении. Значит, вы разведчик?

Блэйн кивнул.

– И вы летаете в космос и посещаете другие звезды и планеты?

– Да, именно.

– Но в таком случае вы – парасих!

– Да, нас так называют. Хотя, простите за прямоту, в приличном обществе это слово стараются не употреблять.

Смутить Дальтона было невозможно.

– Интересно, что вы там видите?

– К сожалению, мистер Дальтон, я не могу ответить вам на этот вопрос.

– Вы летаете один?

– Нет, беру с собой тайпер.

– Тайпер?

– Такой механизм, набитый всякими приборами, которые записывают все, что происходит вокруг.

– Так эта штука летает вместе с вами?

– Да нет же, повторяю вам, я беру ее с собой. Когда я вылетаю, то прихватываю ее с собой как портфель.

– Значит, только ваш разум и этот механизм?

– Да, мой разум и этот механизм.

– Но это невероятно!

Блэйн промолчал.

Дальтон извлек сигару изо рта и внимательно осмотрел ее. Конец сигары был так изгрызен, что изжеванные листья мокрыми прядями свисали вниз. Сосредоточенно сопя, Дальтон покрутил сигару, чтобы завернуть размокшие листья, и отправил ее обратно в рот.

– Давайте вернемся к тому, с чего мы начали, – изрек он с величественным видом. – У «Фишхука» имеются всякие там дьявольские штуки. Ладно. Бог с ним. Думаю, перед поступлением в продажу все тщательно проверяется. И никто не был бы в обиде – да, сэр, никто, – если бы «Фишхук» торговал через различные официальные организации. Но «Фишхук» не желает, чтобы эти штуки продавал кто-либо другой. Он открыл собственные лавки. Мало того, для вящей обиды назвал эти лавки факториями³. Можно подумать, что «Фишхук» имеет дело с толпой дикарей.

Блэйн рассмеялся:

– По всей видимости, когда-то в «Фишхуке» работал человек, наделенный чувством юмора. Уверяю вас, мистер Дальтон, в это очень трудно поверить.

Дальтон распалялся все больше:

³ Фактория – торговая контора или поселение европейских купцов в колониальных странах.

– Изобретаются все новые и новые способы, чтобы разорить нас. С каждым годом «Фишхук» все больше прибирает к рукам производство товаров, пользующихся спросом. А то и просто уничтожает спрос. Это не угроза несчастья, которое вот-вот может разразиться, а ржавчина, разъедающая нас уже давно. Недавно я узнал, что «Фишхук» собирается ввести свою систему телепортации, доступную для всех желающих. Вы представляете, какой это будет удар для торговли?

– Видимо, придет конец всем автомобильным фирмам и некоторым авиационным.

– «Видимо»! Вы прекрасно знаете, что так и будет. Ни один способ транспортировки не сможет конкурировать с телепортацией.

– Тогда единственный выход для вас – разработать систему телепортации самим. И за пределами «Фишхука» есть люди, которые могут показать, как это делается.

– Ненормальные! – злобно произнес Дальтон.

– Нет, Дальтон. Это обычные люди с паранормальными способностями. Благодаря им «Фишхук» стал сегодня тем, что он есть. То, что восхищает вас в «Фишхуке», почему-то вызывает отвращение за его пределами.

– Мы не можем пойти на это. Существуют же народные традиции.

– А, народные традиции... Что, улюлюкающие толпы по-прежнему продолжают распинать парасихов?

– Общественное мнение иногда возмущается, – неохотно согласился Дальтон.

– Можно представить, каким образом.

Дальтон вынул изо рта сигару, брезгливо посмотрел на нее: один конец потух, другой – весь изжеван. Немного подумав, он швырнул ее в цветочный горшок. Сигара зацепилась за нижние листья растения и закачалась грязным пятном на фоне зелени.

Сложив руки на животе, Дальтон уставился в потолок.

– Мистер Блэйн, – сказал он.

– Да!

– Вы очень проникательный человек. И цельный. Вы терпеть не можете консервативность в мышлении и несколько раз здорово поддели меня. Мне нравится, как вы это сделали.

– К вашим услугам, – холодно отозвался Блэйн.

– Сколько вам платят?

– Достаточно.

– Такого не бывает. Я никогда еще не встречал человека...

– Если вы пытаетесь купить меня, то просто спятили.

– Не купить, а нанять. Вы прекрасно знаете «Фишхук», знакомы со многими людьми. В качестве консультанта вы были бы просто незаменимы. Нам очень хотелось бы обсудить...

– Простите, сэр, но я ничего не смогу для вас сделать. При теперешних обстоятельствах я не смогу быть чем-либо для вас полезным.

Все, здесь я уже провел целый час, это более чем достаточно. Поел, выпил, поговорил с Дальтоном – просадил на него уйму времени. Пора двигаться дальше. Когда до «Фишхука» дойдет слух, что я здесь, надо быть подальше отсюда.

Сзади зашелестело платье, и чья-то рука легла ему на плечо.

– Я рада, что ты пришел, Шеп, – сказала Шарлин Витьер.

Он встал и повернулся к ней.

– Это я рад, что ты пригласила меня.

Ее глаза кокетливо блеснули.

– Я тебя пригласила?

– Нет, по правде, меня притащил Фредди Бейтс. Надеюсь, ты не возражаешь?

– Ты же знаешь, я тебе всегда рада, – она слегка сжала ему руку. – Пойдем, я познакомлю тебя с одним человеком. Извините нас, мистер Дальтон.

– Пожалуйста.

– Вышло довольно невежливо, – заметил Блэйн, когда они отошли.

– Надо было тебя спасать. Это на редкость скучный тип. Понятия не имею, откуда он здесь взялся. Уверена, что я его не приглашала.

– А кто он такой? Я так и не понял.

Она пожала красивыми обнаженными плечами.

– Глава какой-то торговой делегации. Они приехали поплакаться о несчастьях, которые на них обрушил «Фишхук».

– Я так и подумал. Он очень расстроен и, по его словам, очень несчастен.

– Ты почему не пьешь?

– Только что выпил.

– А ты поел? Тебе весело? У меня есть дименсино, последняя модель...

– Я посмотрю, только попозже.

– Пойди выпей еще. А я поздороваюсь еще кое с кем из гостей. Ты не останешься потом? Ты так давно у меня не был.

Блэйн покачал головой:

– Ужасно жаль, но не смогу. Спасибо.

– Тогда в другой раз, – сказала она и собралась идти, но Блэйн шагнул вперед и остановил ее.

– Шарлин, – спросил он, – тебе когда-нибудь говорили, что ты чертовски славное создание?

– Нет. Никогда и никто.

Она приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

– А теперь иди развлекайся.

Блэйн стоял и смотрел, как она движется среди гостей.

Розовый вопросительно шевельнулся в нем.

– *Подожди*, – сказал ему Блэйн, глядя в толпу. – *Положись на меня и потерпи еще немного. Потом мы вместе все обсудим.*

Он почувствовал, что Розовый благодарен за то, что он помнит о нем, что откликнулся.

– *Мы поладим*, – сказал он. – *Должны поладить. Ведь мы с тобой единое целое.*

Розовый успокоился. Блэйн почувствовал, как он спокойно улегся, предоставив ему действовать. В самом начале он уже испытал страх, и страх снова мог родиться в нем. Пока он сдерживался, хотя ситуация, Блэйн знал, должна была казаться ему ужасающей: чудовищно, невообразимо велика была разница между этим местом и уединенной безмятежностью голубой комнаты на той далекой планете.

Блэйн как бы бесцельно пересек комнату, прошел вдоль бара, заглянул на минуту в зал с новым дименсино и вышел в прихожую. Надо ехать. До рассвета надо или как следует спрятаться, или быть за много миль отсюда.

Он побродил среди оживленно болтающих компаний, здороваясь со знакомыми.

Ему потребуется время, чтобы найти машину, в которой кто-то по забывчивости оставил ключ. А вдруг, пришла ему в голову страшная мысль, такой машины не окажется? Что тогда? Спрятаться в горах дня на два, пока не прояснится ситуация? Шарлин не откажется помочь, но она слишком болтлива, будет спокойнее, если она ничего не узнает. К кому еще можно обратиться за помощью? Ребята из «Фишхука», конечно, помогли бы, но это их скомпрометирует. Нет, до такой крайности он еще не дошел. Многие другие тоже согласились бы оказать помощь, но каждому из них и без того непросто в безумном сплетении интриг и доносов, которым окружен «Фишхук». И потом, никогда не знаешь, кому можно доверять. Некоторые, несомненно, тут же выдали бы его в расчете получить повышение по службе.

Наконец он подошел к двери. Казалось, он вышел из густого леса на открытое поле: здесь нескончаемая болтовня едва слышалась, воздух казался прозрачнее и как-то чище. Исчезло чувство подавленности, скученности тел и умов, биения чужого пульса, наплыва пустой болтовни и злобных сплетен.

Дверь открылась, и в прихожую вошла женщина.

– Гарриет! – удивился Блэйн. – Как я не сообразил, что ты здесь. Ты ведь не пропускаешь ни одной вечеринки у Шарлин. Собираешь всякие интересные истории для текущей хроники...

Ее телепатический шепот обжег ему мозг:

– *Шеп, ты полный, ты законченный кретин! Что ты здесь делаешь? (Изображение кривляющейся обезьяны в бумажном колпаке, лошадиный зад с задраннным хвостом.)*

– Разве ты...

– *Конечно. Почему бы нет?» (Ряд вопросительных знаков.) Думаешь, только в «Фишхуке»? Только ты один? Да, я держу это в тайне. Но я имею право на тайны. Разве хороший газетчик может обойтись без этого? (Кипы пыльных бумаг; бесконечный поток цифр; губы, нашептывающие что-то в огромное ухо.)*

Вслух Гарриет Квимби произнесла приятным, певучим голосом:

– О, я никогда не пропускаю вечеринки у Шарлин. Здесь можно встретить таких интересных людей.

– *Дурные манеры,* – упрекнул Блэйн. Телепатией пользоваться вообще считалось дурной манерой, а в обществе и подавно.

– *К черту манеры! Я тут перед ним душу наизнанку выворачиваю, а он... (Лицо, очень похожее на него, перед которым элегантно скрестились в виде решетки красивые тонкие пальцы.) Тебя ищут. Они уже знают, что ты тут. Скоро они будут здесь – если еще не пришли. Я приехала, как только узнала. Да не молчи же ты, как дурак... На нас обратят внимание, если мы будем так стоять.*

– На этот раз ты напрасно потеряла время, – выговорил Блэйн. – Сегодня здесь нет интересных людей. Сегодня собралась на редкость неинтересная публика. *Слухачи!!*

– *Пусть. Надо попробовать. Ты в опасности. Как Стоун. Как другие после него. Я приехала помочь тебе.*

– Я тут беседовал с одним бизнесменом-лоббистом, – произнес он. – Жуткая скука. Вот, вышел сюда глотнуть свежего воздуха. *Стоун! Что тебе о нем известно?*

– *Сейчас это не важно. Тогда я еду обратно, не стану терять время попусту. Моя машина стоит на обочине, но тебе со мной идти нельзя. Я пойду заведу мотор и выведу машину на дорогу, ты поброди еще немного здесь, а потом пробирайся на кухню. (План дома с красной линией, ведущей в кухню.)*

– Я знаю, где кухня.

– *Только спокойнее. Не делай резких движений, держись естественной. Веди себя как все и делай вид, что умираешь от скуки». (Карикатурный человечек с опущенными ресницами. Плечи его согнулись под тяжестью бокала, который он вяло держит в руке. У человечка распухшие от шума уши, а на рожице застывшая улыбка.) «Сначала пойдешь на кухню, оттуда – через черный ход на улицу.*

– Неужели ты поедешь вот так, сразу? – спросил вслух Блэйн. – Вдруг я ошибся? Но зачем? Зачем ты это делаешь? Какой тебе смысл? (Человек, с недоумением и злостью глядящий в пустой мешок.)

– *Люблю тебя. (Деревянный забор, на котором вырезано сердце, пронзенное стрелой.)*

– *Не лги. (Кусок мыла, энергично моющий рот.)*

– Не говори им, Шеп, – попросила Гарриет, – а то Шарлин до смерти обидится. Я ведь журналистка, из твоих приключений выйдет неплохой рассказ.

- Но ты забыла, что «Фишхук» может караулить на дороге у выхода из ущелья.
- Не беспокойся, Шеп, я разузнала их планы. Мы их одурачим.
- Хорошо, буду нем как рыба. До встречи. И спасибо.

Она вышла, и каблучки ее застучали вниз по лестнице.

Блэйн медленно повернулся и направился обратно, в переполненные комнаты. Не успел он перешагнуть порог, как в лицо ему ударил жаркий ком разговоров – гул десятков голосов людей, которым все равно, что говорить и с кем, лишь бы говорить, лишь бы отыскать в этом шуме суррогат самоутверждения.

Значит, Гарриет – телепат. Вот чего бы он никогда не подумал. Хотя если ты журналист и обладаешь способностью к телепатии, самое разумное – никому об этом не говорить.

В болтливости ее не упрекнешь, подумал Блэйн и удивился, как эта женщина смогла так долго хранить свою тайну. Впрочем, напомнил он себе, Гарриет сначала журналист, а потом уже женщина. Пишет она лучше, чем многие известные писаки.

У бара он остановился, взял виски со льдом и несколько минут со скучающим видом потягивал напиток. Нельзя показать, что он спешит или куда-то направляется, но и нельзя допустить, чтобы его втянули в какой-нибудь разговор, – на это нет времени.

Можно было бы зайти на пару минут в дименсино, но опасно. Слишком быстро там включаешься в сюжет, теряешь чувство времени, растворяешься в происходящем. Потом, включаясь в середине программы, часто рискуешь оказаться в весьма неловком положении.

Лучше не стоит, решил он.

Блэйн обменялся приветствиями с несколькими знакомыми; его покровительственно похлопал по спине один подвыпивший джентльмен, с которым он познакомился дней десять назад; ему пришлось выслушать пару непристойных анекдотов; он даже слегка пофлиртовал с престарелой вдовушкой, которая с глупой улыбкой набросилась вдруг на него.

И все это время он двигался к двери в кухню.

Наконец добрался до нее.

Перешагнув через порог и с праздным видом пошел вниз по ступенькам.

В кухне никого не было. Холодной голубой эмалью сверкала посуда. Гулко тикали настенные часы с длинной секундной стрелкой.

Блэйн поставил еще наполовину полный бокал с виски на ближайший столик. От наружной двери его отделяли лишь шесть шагов по тускло мерцающему полу.

Он сделал два шага и собрался сделать третий, как в мозгу у него раздался тихий возглас предупреждения. Блэйн оглянулся.

За большим холодильником, сжимая что-то в кармане пиджака, стоял Фредди Бейтс.

– Брось, Шеп, – сказал он, – не советую сопротивляться. Все вокруг оцеплено. У тебя нет шансов.

Глава 6

Блэйн на секунду замер от удивления, он был буквально ошеломлен. Именно ошеломлен, а не испуган и не разгневан. Ошеломлен тем, что это оказался именно Фредди Бейтс. И так, Фредди уже не бездельник, которого мало кто знает и который мало кого интересует, бесцельно прожигающий жизнь в городе, полном таких, как он, а агент «Фишхука», и, по видимому, весьма способный.

И еще: Кирби Рэнд все знал и все же позволил ему выйти из кабинета и спуститься на лифте. Но он еще не вышел на улицу, а Рэнд уже, сжимая трубку телефона, давал задание Фредди.

«Все было обставлено умно, – вынужден был признать Блэйн, – куда умней, чем мое собственное поведение. – Ни на секунду он не заподозрил, что Рэнд о чем-то догадывается. – И Фредди, приглашая меня в машину, выглядел таким же, как всегда, неудачником».

Ошеломление медленно проходило, уступая место злости. Злости за то, что он попался, что его провело такое ничтожество, как Фредди.

– Мы сейчас спокойно, как подобает друзьям, выйдем отсюда, – сказал Фредди, – и я отвезу тебя обратно побеседовать с Рэндом. Тихо, мирно, без суеты. Мы ведь не захотим – ни ты, ни я – причинять Шарлин беспокойство.

– Нет, – ответил Блэйн. – Нет, конечно, не захотим.

Его мозг лихорадочно работал, отыскивая лазейку, пытаясь найти какой-нибудь выход, что угодно, лишь бы выпутаться из положения. Потому что он не собирался ехать обратно. Что бы ни случилось, он не вернется с Фредди.

Он почувствовал, что Розовый зашевелился в нем, как будто выбираясь из своего уголка.

– *Нем!* – закричал Блэйн. – *Нем!*

Но было уже слишком поздно. Розовый выбрался и заполнил весь его мозг. И хотя он продолжал оставаться собой, он был и еще кем-то. Он стал сразу двумя существами – и это было очень странное ощущение, – и вдруг произошло что-то непонятное.

Комната застыла как мертвая, только на стене стонали часы. И это было тоже непонятно, потому что прежде с часами ничего подобного не случалось, они жужжали, но никогда не издавали ничего, похожего на стон.

Блэйн быстро шагнул вперед, но Фредди не двинулся с места. Стоял, держа руку в кармане, и не шевелился.

Еще один шаг, и Фредди едва шелохнулся. Его глаза не мигая уставились в одну точку. Но выражение лица стало медленно и необычным образом меняться, и рука пошла вверх из кармана, но настолько медленно, что движение лишь угадывалось, как будто и рука, и пальцы, и то, что пальцы сжимают в кармане, пробуждались от глубокого сна.

И вот еще один шаг, и Блэйн подошел к нему почти вплотную. Его кулак как поршень рванулся вперед. У Фредди медленно, как на проржавевших шарнирах, отвисла челюсть и веки, видимо моргая, поползли вниз.

Кулак обрушился на челюсть. Блэйн попал точно, куда целился, и вложил в удар всю силу, всю тяжесть своего тела. Но даже когда боль от удара обожгла ему костяшки пальцев и отдалась в запястье, он знал, что это ни к чему. Потому что Фредди практически не шевельнулся, не сделал ни малейшей попытки защититься.

Фредди падал, но падал как-то странно. Он падал медленно и плавно – так падает дерево после смертельного удара топора. Тело медленно кренилось к полу, и только теперь, в падении, рука с зажатым в ней револьвером выплыла из кармана. Выскользнув из ослабевших пальцев, револьвер со стуком опустился на пол.

Блэйн нагнулся и, прежде чем Фредди ударился об пол, поднял револьвер, и стоял так, сжимая его в руке, и глядел, как Фредди наконец упал – вернее, не упал, а, скорее, улегся на пол и, как бы расслабившись, замер на его поверхности.

Часы по-прежнему стонали на стене, и Блэйн, обернувшись, посмотрел на них и увидел, что секундная стрелка едва ползет по циферблату. Ползет, вместо того чтоб бежать... И этот стон вместо жужжания: часы, наверно, тоже рехнулись, подумал Блэйн.

Что-то произошло со временем. Об этом говорили и едва ползущая секундная стрелка, и почти пропавшая реакция у Фредди.

Ход времени замедлился.

И это было невозможно.

Ход времени не замедлился; время – величина постоянная. Но если это каким-то образом и произошло, то почему время не замедлилось для него?

Если только...

Ну конечно, если только не время замедлилось, а он сам стал двигаться быстрее, настолько быстро, что Фредди не успел ничего сделать, не сумел защититься и ни при каких обстоятельствах не смог бы достать из кармана револьвер.

Блэйн вытянул руку и взглянул на револьвер. От этой тупорылой, уродливой вещицы веяло смертью.

Да, Фредди не шутил. И «Фишхук» тоже. Тот, кто собирается лишь немного поиграть, отделиваясь шуточками и улыбками, не станет брать с собой оружие. А если взял, значит, готов был пустить его в ход. Фредди, несомненно, был готов к этому.

Блэйн повернулся и посмотрел на Фредди. Тот по-прежнему безмятежно лежал на полу. Пожалуй, он еще немного тут полежит, прежде чем придет в себя.

Блэйн сунул револьвер в карман и направился к выходу, мимоходом взглянув на часы. За все это время секундная стрелка едва сдвинулась с места.

Открыв дверь, он обернулся и еще раз окинул взглядом кухню. Идеально стерильная кухня по-прежнему безжизненно сияла посудой, единственное, что теперь нарушало порядок, – это тело Фредди, распластавшееся на полу.

Блэйн вышел и зашагал по выложенной плитками дорожке к длинной каменной лестнице, перечеркнувшей склон огромной скалы.

Человек, который развалившись сидел на ступени, начал медленно подниматься, увидев, как Блэйн бежит ему навстречу.

Свет одного из окон верхнего этажа падал человеку на лицо, и Блэйн заметил, что оно выражает крайнее недоумение. Казалось, застывшие черты лица высечены на каменной маске.

– Извини, приятель, – Блэйн уперся раскрытой ладонью в эту маску и с силой толкнул ее.

Человек стал медленно отступать осторожными шажками, с каждым шагом наклоняясь назад все больше и больше. Прошло еще немного времени, и он упал на спину.

Но Блэйн не стал ждать. Он продолжал бежать, перескакивая через ступени. В стороне от темных рядов автомобилей, припаркованных на стоянке, тихо урчала мотором машина с включенными подфарниками.

Это ждет Гарриет, понял Блэйн. Но она повернула машину не в ту сторону – не вниз по дороге, к выходу из каньона, а в самую глубь его. И он знал, что это ошибка, потому что вверх дорога сужается и через милью-две проехать уже невозможно.

Блэйн перескочил через последнюю ступеньку и, осторожно пробираясь между автомобилями, вышел на дорогу.

Гарриет сидела в машине. Блэйн обошел вокруг, открыл дверцу с другой стороны и скользнул на сиденье.

На него вдруг обрушилась страшная, до ломоты в костях усталость, как после бега. Казалось, он пробежал слишком длинную дистанцию. Откинувшись на спинку сиденья, он посмотрел на лежащие на коленях ладони и увидел, что руки дрожат.

– Как ты быстро, – обернулась к нему Гарриет.

– Представилась возможность, – ответил Блэйн. – И я не стал ждать.

Она включила скорость, и машина двинулась вверх по дороге. Эхо подхватило гул реактивного двигателя, разнося его по всему ущелью.

– Надеюсь, – заметил Блэйн, – ты знаешь, куда едешь. Дорога скоро кончится.

– Не бойся, Шеп, я знаю.

У него не было сил спорить. Он чувствовал полное изнеможение.

«И я имею на это право, – сказал он себе, – потому что двигался в десять (или в сто?) раз быстрее, чем обычно. Человеческий организм просто не рассчитан на такие перегрузки. Я расходовал энергию со страшной скоростью: сердце колотилось как сумасшедшее, легкие готовы были разорваться от напряжения, мышцы сокращались в невероятном темпе».

Он сидел и молчал, размышляя и удивляясь, как могло это произойти. Но удивление было формальным, он удивлялся, потому что должен был удивляться; на самом же деле он знал объяснение происшедшему.

Розовый больше не давал о себе знать. Он поискал его и нашел все в том же убежище.

– *Спасибо*, – поблагодарил он.

Это было несколько забавно – благодарить существо, ставшее частью его самого, ведь оно пряталось у него в голове, в его мозгу. И все-таки оно не стало частью его самого, пока еще нет. Хотя уже и не было просто беглецом, укрывшимся в чужом разуме.

Машина неслась вверх по каньону. Свежий, прохладный ветер, казалось, был напоен брызгами прозрачного горного ручья, и от стен ущелья доносился тонкий и нежный аромат сосен.

– Что-нибудь случилось? – спросила Гарриет.

– Я встретил Фредди.

– Ты имеешь в виду Фредди Бейтса?

– Существует один-единственный Фредди.

– Безобидный дурачок.

– Когда мы встретились, у твоего безобидного дурачка глаза налились кровью и он вынул револьвер.

– Неужели он...

– Гарриет, – сказал Блэйн, – становится слишком жарко. Лучше высади меня.

– И не надейся, – ответила Гарриет. – Я еще никогда не участвовала в столь забавной игре.

– Мы вряд ли куда-нибудь приедем. Дорога скоро кончается.

– Шеп, может, глядя на меня, в это трудно поверить, но голова у меня работает неплохо. Я много читаю, и больше всего мне нравятся книги по истории. Проклятой истории войн. Особенно я люблю изучать карты боевых действий.

– Ну и что из этого?

– А то, что я сделала одно наблюдение. Я пришла к выводу, что всегда, во всех случаях необходимо заранее подготовить путь к отступлению.

– Только не по этой дороге.

– По этой, – сказала Гарриет.

Блэйн повернул голову и взгляделся в ее профиль. Нет, она не похожа на хладнокровную, практичную журналистку, хотя такая она на самом деле. И пишет не сентиментальные статьи, не заметки в колонку светских сплетен, а вместе с дюжиной других репортеров,

составляющих элиту своей профессии, дает гигантскую панораму «Фишхука» для одной из крупнейших газет Северной Америки.

И несмотря на это, шикарна, словно сошла с обложки модного журнала. Шикарна, но без вычурности и полна спокойной уверенности в себе, которая в любой другой женщине выглядела бы высокомерием.

Он был уверен, что все, что только можно знать о «Фишхуке», она знает. Ее статьи отличались странной объективностью, можно сказать, даже беспристрастностью, однако и этот необычный для журналиста суховатый стиль она ухитрилась смягчить, добавить в него человеческой теплоты.

Но что из всего этого следует? Зачем она вмешалась в эту историю?

В том, что Гарриет друг, он не сомневался. Он познакомился с ней давно, вскоре после ее приезда в «Фишхук». В маленьком ресторанчике, куда они в тот день пошли обедать, слепая старушка продавала розы. Блэйн вспомнил, как купил ей розу, и Гарриет, вдруг почувствовав себя одинокой и оторванной от родного дома, слегка всплакнула.

Странно. Хотя что теперь не странно, продолжал размышлять Блэйн. Взять тот же «Фишхук», кошмар современности, за сто лет так и не принятый до конца остальным человечеством.

Он попытался представить, как все происходило тогда, эти сто лет назад, когда ученые в конце концов признали, что космос Человеку не под силу, и сдались. Кучка самых упрямых, самых упорных в своей мечте пошла другой дорогой – дорогой, которой Человек отказался идти или, что одно и то же, с которой свернул много лет назад и с тех пор неустанно глумился над ней, заклеив ее словом «колдовство».

Ведь что такое колдовство – чепуха из книжек для детей, бабушкины сказки.

Но всегда были упрямцы, которые верили по крайней мере в основной принцип того, что люди называли колдовством, поскольку это не было колдовством в том смысле, который за долгие годы приобрело это слово. Скорее, это был закон, такой же непреложный, как и законы, лежащие в основе всех естественных наук. Но в отличие от них это была наука, которая изучала возможности человеческого разума и стремилась достичь далеких планет не физически, а лишь силой разума.

Из этой веры, надежды и упорства и родился «Фишхук»⁴, прозванный так потому, что это был рыболовный крючок, заброшенный в космос, давший возможность разуму совершать путешествия туда, куда никогда не попасть телу.

Дорога впереди делала крутой поворот направо, затем сворачивала влево, возвращаясь обратно и замыкая круг.

– Держись! – бросила Гарриет.

Она резко свернула с дороги и направила машину вверх по пересохшему руслу ручья на одной из стен каньона. Из реактивных сопел с ревом било пламя, надсадно визжал мотор, по колпаку крыши скрежетали ветви деревьев. Неожиданно машина сильно накренилась, затем выровнялась.

– Это еще ничего, – сообщила Гарриет. – Дальше будет пара местечек похуже.

– Это и есть тот самый путь к отступлению?

– Совершенно верно.

А зачем, подумал он, Гарриет Квимби мог понадобиться путь к отступлению?

Она осторожно вела машину по пересохшему руслу, прижимаясь к скале, которая каменной стеной уходила ввысь, в темноту. Из кустов испуганно разлетались птицы, трещали ветви, царапая автомобиль.

⁴ Fish-hook (àîäë.) – рыболовный крючок.

Фары осветили крутой поворот, как бы зажатый с одной стороны каменной стеной, а с другой – огромным, размером с сарай, валуном. Машина втиснула капот в пространство между скалой и валуном, развернула задние колеса и медленно, почти ползком, преодолела проход.

Гарриет убрала реактивную тягу, и машина со скрежетом опустилась на гравий. Двигатель замолчал, и над ними сомкнулась тишина.

– Отсюда пойдём пешком? – спросил Блэйн.

– Нет, немного переждем. Они ведь начнут охоту за нами и подъедут сюда. И по шуму двигателя поймут, в какой стороне мы скрылись.

– Мы поедем прямо на вершину?

– Прямо на вершину, – подтвердила она.

– Ты уже здесь ездила? – поинтересовался Блэйн.

– Много раз. Я знала, что если когда-нибудь понадобится воспользоваться этой дорогой, то делать это придется быстро. Не останется времени раздумывать или возвращаться назад.

– Но объясни мне, ради бога...

– Послушай, Шеп. Ты попал в переplet. Я тебе помогаю выпутаться. Может быть, этого достаточно?

– Конечно, если ты так хочешь. Но ты рискуешь собственной головой. А это не обязательно.

– Мне уже приходилось рисковать ею. Хороший журналист должен быть готов рискнуть головой, когда надо.

Может быть, подумал он, но не до такой степени. В «Фишхуке» полно газетчиков, и почти с каждым из них ему доводилось выпивать. Очень немногих он мог бы считать своими приятелями. И никто... никто, кроме Гарриет, не стал бы делать для него того, что делает она.

Чисто журналистским интересом это не объяснишь. И одной дружбой тоже. Тут что-то большее, чем и то и другое вместе.

А если Гарриет не только журналистка? Она не может быть только репортером. Ее поступками движет что-то другое. Очень любопытно, что?

– В прошлый раз, когда ты рисковала головой, ты рисковала ею для Стоуна?

– Нет, – ответила она. – О нем я знаю только понаслышке.

Далеко, на дне каньона, послышался слабый гул двигателей. Они сели в машину и прислушались. Гул быстро приближался, и Блэйн попытался сосчитать по звуку мчащиеся по дороге автомобили. Ему показалось, что их было три, хотя он не был уверен полностью.

Машины подъехали к повороту и остановились. Послышались треск кустов, мужские голоса.

Гарриет взяла Блэйна за руку и крепко сжала ее.

– Шеп, что ты сделал с Фредди? (*Изображение ухмыляющегося черепа.*)

– Нет, всего лишь нокаут.

– У него был револьвер?

– Теперь револьвер у меня.

(*Фредди в гробу, на нахмуренном лице застывшая улыбка, в сложенных на груди руках – громадная лилия.*)

– Нет, не так. (*Фредди с разбитым носом и крестами пластыря на самодовольном прыщавом лице.*)

Они тихо сидели, прислушиваясь к каждому звуку.

Смолкли голоса, и машины двинулись обратно, вниз по дороге.

– Всё?

– *Погоди*, – остановила его Гарриет. – *Они приехали на трех машинах. Уехали только две. Одна еще ждет. (Множество вытянувшихся от напряжения, подслушивающих ушей.) Они знают, что мы поднялись по дороге. Они не знают, где мы спрятались. (Яма-ловушка, усеянная рядами острых зубов.) Они ждут, когда мы поверим, что они уехали, и обнаружим себя.*

Они подождали еще. Где-то в лесу закричал енот, разбуженная каким-то лесным бродягой, сонно запротестовала птица.

– *Есть одно место*, – сказала Гарриет. – *Там ты будешь в безопасности. Если захочешь туда поехать.*

– *Куда угодно. У меня нет выбора.*

– *А ты представляешь, что там делается?*

– *Слышал.*

– *В некоторых городах вывешивают предупредительные знаки. (Дорожный столб, на нем доска с надписью: «Тут солнце светит не для парасихов».) Они полны предвзятости и нетерпимости, среди них есть старинного обличия бородатые проповедники, яростно барабанившие кулаком по кафедре; люди в ночных рубашках и колпаках с кнутами и веревками; испуганные, растерянные люди, пытающиеся укрыться в редких зарослях ежевики.* До отвратительного грязно и стыдно, – уже не мысленно, а голосом прошептала она.

С шоссе тронулась оставшаяся машина. Они выждали, пока она отъедет.

– Уехали наконец, – сказала Гарриет. – Они, правда, могли на всякий случай кого-нибудь высадить, но придется рискнуть.

Она включила мотор, повернула реактивные сопла, и с зажженными фарами автомобиля рванулся вверх по сужающемуся руслу.

Дорога становилась все круче.

Лавируя между кустов, они продолжали взбираться по лезвию хребта. Гора белой стеной уходила вверх, а внизу зияла черная пустота. Потом целую вечность они снова карабкались по круче, подстегиваемые ветром, который становился все более холодным и пронизывающим, и наконец оказались на ровной площадке, залитой светом склонившейся к западу луны.

Гарриет остановила машину, откинулась на спинку сиденья.

– Дальше граница, – сказала она. – Сядь за руль. Осталось миль пятьдесят.

Глава 7

Толпа собралась на улице напротив ресторана и, обступив машину Гарриет, пристально наблюдала за ними со зловещим молчанием. Толпа зловещая, но не шумная. Злобная и, быть может, чуть-чуть испуганная. Или, скорее, злобная потому, что испуганная.

Блэйн прислонился спиной к стене, за которой они только что завтракали. Ничего особенного за едой не заметили. Все шло нормально. Никто на них не глазел. Все шло самым обыкновенным и повседневным образом.

– Как они догадались? – спросил Блэйн.

– Не знаю, – ответила Гарриет.

– Они сняли вывеску.

– А может, она сама упала. Или ее вообще никогда не вешали. Такое бывает. Объявления вывешивают только самые воинственные.

– У этих ребят вид вполне воинственный.

– Может быть, это к нам не относится?

– Может, и нет, – согласился он. Но поблизости, кроме них, не было никого и ничего, что могло бы собрать эту толпу.

– Слушай внимательно, Шеп. Если что-то случится, если мы потеряемся. Отправляйся в Южную Дакоту. Пьер в Южной Дакоте. *(Карта Соединенных Штатов, где Пьер обозначен звездочкой, под которой большими красными буквами подписано его название, а пурпурная дорога ведет от этого крохотного пограничного городка к большому городу на Миссури.)*

– Я знаю, где это, – сказал Блэйн.

– Где меня найти, тебе скажут в этом ресторанчике. *(Каменный фасад здания; большие зеркальные окна, в одном из окон висит красивое, отделанное серебром седло; над дверью – роскошные лосиные рога.) Он стоит над рекой на холме. Там меня почти все знают. Они тебе подскажут, где я.*

– Мы не потеряемся.

– На всякий случай имей это все-таки в виду.

– Обязательно, – ответил Блэйн. – Ты меня вытащила достаточно далеко, чтобы доверять тебе и дальше.

Толпа начала закипать – не кипеть еще, а шевелиться, становиться все более беспокойной, как будто потихоньку вспениваясь. Из толпы донесся ропот – глухое, бессловесное ворчание.

Протиснувшись сквозь толпу, на улицу, еле ковыляя, выбралась древняя старуха. Вся она – лицо, руки, грязные босые ноги, – казалось, была сделана из морщин. Растрепанные волосы свисали с головы грязными седыми космами.

Она с трудом подняла руку в отвратительных складках дряблой плоти и прицелилась скрюченным, костлявым, трясущимся пальцем прямо в Блэйна.

– Вот он! – завизжала она. – Тот, кого я засекала! Он какой-то не такой! Я не могу попасть к нему в мозг. Там как будто сверкающее зеркало. Там...

Ее слова потонули в криках толпы, которая двинулась вперед, медленно, шаг за шагом приближаясь к мужчине и женщине у стены. Казалось, толпа движется как бы нехотя и со страхом, преодолевая свой ужас только сознанием важности гражданского долга, который им предстоит исполнить.

Блэйн опустил руку в карман пиджака, и его пальцы сомкнулись вокруг рукоятки револьвера, добытого в кухне Шарлин. Нет, револьвер не поможет, решил он, а только все усложнит. Он вынул руку из кармана и расслабленно опустил ее вдоль тела.

На лицах этой человеческой массы, которая переползала улицу, были написаны ярость и отвращение. Толпа не травила жертву под покровом ночи, а, как стая волков, окружала ее неторопливо, при свете дня. Впереди, на гребне волны человеческой ненависти, шла сморщенная ведьма, спустившая стаю движением пальца.

– Стой спокойно, – сказал Блэйн Гарриет. – Это наш единственный шанс.

Он понимал, что в любой момент ситуация может достичь критической точки. Толпа или не выдержит и отступит, или какое-то ничтожное происшествие, малейшее движение, слово, произнесенное вслух, заставят ее хлынуть вперед.

А если это случится, он будет стрелять. Не потому, что хочет, а потому, что у него не будет выбора.

А пока, перед тем как начать расправу, городок замер – сонный маленький городок с давно не крашенными, облупленными зданиями на залитой солнцем улице, где как попало росли чахлые деревья. В окнах верхних этажей виднелись лица, с удивлением глазающие на дичь, забредшую к ним на улицу.

Толпа подошла еще ближе и окружила их, по-прежнему без слов и сохраняя осторожность; гул голосов стих, лица были неподвижны, как маски ненависти в древнем театре.

По тротуару звонко ударил чей-то каблук, потом еще и еще – ровный, бесстрастный звук уверенных шагов.

Шаги приблизились, и Блэйн краем глаза заметил высокого, костлявого, как скелет, мужчину, который вышагивал с таким видом, будто был на утренней прогулке.

Мужчина подошел к Блэйну, встал рядом с ним и повернулся лицом к толпе. Он не произнес ни слова, но толпа остановилась, замерев посреди улицы в жуткой тишине.

Из толпы вышел человек.

– Доброе утро, шериф.

Шериф не шевельнулся, не произнес ни слова в ответ.

– Они парапсихи, – сказал человек.

– Откуда известно? – спросил шериф.

– Старая Сара сказала.

Шериф посмотрел на каргу:

– Это так, Сара?

– Том сказал правду, – прокрипела старуха. – Вон тот парень, у него странный мозг.

Он отражает.

– А женщина? – спросил шериф.

– А разве она не с ним?

– Мне стыдно за вас, – сказал шериф, как будто читая нотацию напраказившим детям. –

Придется вас посадить, всех до одного.

– Но это же парапсихи! – раздался возмущенный крик. – Мы не пускаем сюда парапсихов, ты ведь знаешь.

– А теперь послушайте меня, – объявил шериф. – Расходитесь и займитесь каждый своим делом. А ими займусь я.

– Обоими? – спросил кто-то.

– Даже не знаю, – ответил шериф. – Похоже, что леди здесь ни при чем. Думаю, мы отправим ее из города, и этого будет достаточно. Вы вместе с этим парнем? – спросил он Гарриет.

– И я останусь с ним!

– Нет, – сказал Блэйн. (*Знак молчания – палец, прижатый к губам.*) Сказал быстро, надеясь, что никто не подслушает, потому что в этом городе даже простому телепату не дали бы пощады. Но предупредить надо.

– Это ваша машина на той стороне? – спросил шериф.

Гарриет вопросительно взглянула на Блэйна.

– Да, моя, – ответила она.

– Тогда послушайте меня, мисс. Идите к своей машине и выбирайтесь из этой заварухи.

Ребята вас пропустят.

– Но я не собираюсь...

– Лучше не спорь, Гарриет, – сказал Блэйн.

Гарриет стояла в нерешительности, не зная, что делать.

– Езжай, – повторил Блэйн.

Она медленно сошла с тротуара, затем обернулась.

– До встречи, – сказала она Блэйну.

Она с презрением оглядела шерифа.

– Казак! – бросила она.

Шериф не возражал. Слово это ему было незнакомо.

– Давайте, леди, езжайте, – сказал он, и в голосе его звучала чуть ли не доброта.

Толпа яростно загудела, но все же расступилась, чтобы пропустить ее. Дойдя до машины, она повернулась и помахала Блэйну рукой. Затем села за руль, включила зажигание. Заревев двигателем, автомобиль рванулся сквозь толпу. Ничего не видя от пыли, поднятой выхлопом сопел, спотыкаясь друг о друга, люди с воплями бросились в разные стороны, спеша освободить дорогу.

С невозмутимым спокойствием шериф наблюдал, как машина помчалась вниз по улице.

– Ты видел, шериф? – в ярости заорал один из пострадавших. – Почему ты ее не арестуешь?

– Это вам по заслугам, – сообщил шериф. – Сами все заварили. Только собрался провести день спокойно, как вы заставляете меня волноваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.